

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-22

EDN: EXOVNJ

Топос острова в «русской робинзонаде»: мифопоэтические и философские аспекты воплощения

Николай Ипполитович Николаев¹, Вероника Евгеньевна Шахова^{2✉}

¹Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и русского языка, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова. 164500, г. Северодвинск, ул. Карла Маркса, д. 36

²Аспирант кафедры литературы и русского языка, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова. 164500, г. Северодвинск, ул. Карла Маркса, д. 36

¹n.nikolaev@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9141-5521>

²shahova.v@edu.narfu.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-4766-3165>

Аннотация. Статья посвящена топосу острова как особому пространству, обладающему символическим значением в «русской робинзонаде». Материалом для анализа служит массив текстов XVIII–XXI вв., созданных на основе истории о вынужденной зимовке русских промысловиков на одном из островов Шпицбергена с 1743 по 1749 гг. В ходе исследования рассматриваются различные подходы авторов к изображению арктического острова с точки зрения его символического, философского и культурного значений. В XVIII–XIX веках западноевропейские авторы, разрабатывающие сюжет о выживании в Арктике, акцентируют внимание на конфликте человека и природы, что связано с влиянием устойчивой традиции, которая нашла свое выражение еще в романе Даниэля Дефо. Русские писатели XIX века, обращаясь к данной теме, предлагают концепцию органичной связи своих героев с окружающим природным миром. XX век в русской литературе усиливает акценты, связанные с мифопоэтикой островного пространства, его сакральной сущностью и ролью в сохранении исторической памяти Русского Севера. Анализ художественных текстов показывает, что русские авторы, описывая историю выживания мезенских промысловиков на Шпицбергене, используют топос острова для передачи глубоких культурных, исторических и религиозных смыслов, с которыми связывают Арктику. В западноевропейской традиции топос острова интерпретируется как метафора «потерянного рая», место изоляции, заключения. Эти смысловые различия устойчивы, обнаруживают себя во множестве текстов, представленных в широком временном диапазоне, и носят фундаментальный характер.

Ключевые слова: русская литература; робинзонада; Арктика; топос острова; художественное пространство; мифопоэтика; символ; сакральный смысл

Для цитирования: Николаев Н. И., Шахова В. Е. Топос острова в «русской робинзонаде»: мифопоэтические и философские аспекты воплощения // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 22–34. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-22>. <https://elibrary.ru/EXOVNJ>

Original article

Topos of the island in «russian robinsonade»: mythopoetic and philosophical aspects

Nikolay I. Nikolaev¹, Veronika E. Shakhova^{2✉}

¹Doctor of philological sciences, professor, head of the department of literature and the russian language, Northern (Arctic) federal university named after M. V. Lomonosov. 164500, Severodvinsk, Karl Marks st, 36

²Postgraduate student at the department of literature and the russian language, Northern (Arctic) federal university named after M. V. Lomonosov. 164500, Severodvinsk, Karl Marks st, 36

¹n.nikolaev@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9141-5521>

²shahova.v@edu.narfu.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-4766-3165>

Abstract. The article focuses on the island topos as a specific space with a symbolic meaning in the «russian robinsonade». The analysis is based on a series of the XVIII–XXI centuries texts, covering the story of the russian fishermen's forced wintering on one of the Spitsbergen islands from 1743 to 1749. The study examines the writers' different approaches to depicting an Arctic island in terms of its symbolic, philosophical and cultural meanings. In the

XVIII–XIX centuries, Western European writers elaborating the plot of survival in the Arctic emphasized the conflict between man and nature, which was influenced by a stable tradition that could be found even in Daniel Defoe's novel. Addressing this theme, Russian writers of the XIX century offer the concept of their characters' natural connection with the surrounding world. The XX century Russian literature emphasizes the accents of insular space mythopoetics, its sacral essence and its role in preserving the historical memory of the Russian North. The analysis of the literary texts shows that, in describing the story of the fishermen's survival on Spitsbergen, Russian authors use the topos of the island to convey deep cultural, historical, and religious senses associated with the Arctic. In Western European tradition, the island topos is interpreted as a metaphor «paradise lost», a place of isolation and imprisonment. These semantic differences are persistent, can be found in a multitude of texts across a wide temporal range, and are fundamental.

Key words: Russian literature; robinsonade; Arctic; insular topos; artistic space; mythopoetic; symbol; sacred meaning.

For citation: Nikolaev N. I., Shakhova V. E. Topos of the island in «Russian robinsonade»: mythopoetic and philosophical aspects. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):22–34. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-22>. <https://elibrary.ru/EXOVNJ>

Введение

История о шестилетнем выживании русских промысловиков на восточном острове Шпицбергена в середине XVIII века послужила основой для сюжетостроения большого корпуса текстов (*Мультимедийный корпус текстов о мезенских «робинзонах» находится в свободном доступе по адресу URL: <https://mezrob29.ru/>*) различной жанровой природы – от очерка до романа. Первоначальный интерес к истории о мезенских «робинзонах» заложил Петр Людовик Ле Руа, служивший некоторое время в Российской Академии наук и занимавшийся вопросами истории и картографии. По возвращении с необитаемого острова «робинзоны» были доставлены в Петербург в январе 1751 года и размещены в доме графа Шувалова, где Ле Руа в это время служил наставником его детей. Комиссия морских флотов в присутствии М. В. Ломоносова допрашивала бывших островитян, а академику поручили литературно обработать материалы допроса. К поставленной задаче француз подошел крайне ответственно. Для уточнения некоторых фактов о пребывании промысловиков на длительном промысле вел переписку с директором сального торгового дома в г. Архангельске Соломоном Вернизобером. Сравнивал показания «робинзонов» с информацией, собранной обер-аудитором Архангельского Адмиралтейства г. Клингштадтом при их прибытии в город. Изучал различные письменные источники об особенностях морских плаваний, специфике северной природы и быте русского крестьянства (среди которых, например, труд академика Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) «Описание морских путешествий по Ледовитому морю и по Восточному морю с Российской стороны учиненных» (1758), книга Жан-Батиста Лаба «Nouveau Voyage aux Ples de

l'Amerique» (1722)). Сверял путь промысловиков с картой Шпицбергена, составленной Герардом Ван Келеном в 1710 году. Читал черновики своей рукописи докторам и профессорам Академии наук, чтобы они подтвердили свидетельства поморов о свойствах оленьей крови, которая помогла им излечиться от цинги, и подсчитали верно ли «робинзоны» вели свой календарь на острове. В итоге Ле Руа издал свое сочинение на французском языке только в 1761 году. Небольшая по объему книга выдержала несколько переизданий (1767, 1777, 1782 и 1881 гг.) и переводов на разные языки – голландский в 1768 г., итальянский в 1773 г. и английский в 1774 г. Перевод книги на русский язык был осуществлен анонимным автором по заказу Академии наук в 1772 году.

Интерес высокопоставленных лиц из Академии наук и самой императрицы к этой истории был обусловлен грандиозными планами об открытии кратчайшего прохода морским путем на Восток. В последующие годы Ломоносов работал над сбором доказательств о существовании такого северо-восточного прохода. В результате этой работы было составлено «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показания возможного прохода Сибирским океаном в Восточную Индию» (1763). В пяти главах этого труда Ломоносов использовал литературные сведения о плаваниях на запад и восток по Северному Ледовитому океану. Через год Ломоносов подготовил дополнение к «Краткому описанию», в котором упомянул опыт русских промысловиков, побывавших на Шпицбергене, и признал их путь наиболее удачным. В мае 1764 года проект Ломоносова о возможности прохода по северному морскому пути в Азию был одобрен Екатериной II. Началась подготовка двух масштабных

экспедиций под командованием В. Я. Чичагова и П. К. Креницына. Ломоносов, принимая активное участие в подготовке экспедиций вплоть до самой своей смерти, составил список мореходов, хорошо владеющих навыками выживания в арктическом пространстве. В этот список был включен и один из выживших «робинзонов» – Хрисанф Иньков. Доподлинно неизвестно ходил ли Хрисанф Иньков в море в числе участников экспедиции Чичагова, тем не менее, по рекомендации Ломоносова в экспедицию были взяты двадцать шесть поморов-промысловиков. Таков вкратце исторический фон, на котором формируется интерес к «арктической робинзонаде» в литературе.

Литературные тексты о выживании русских промысловиков на необитаемом острове в Арктике системно не описаны, лишь частично подвергались критическому и научному осмыслению, перечень их публикаций не сформирован в полной мере до сих пор. В данной статье в центре внимания поставлен образ, проходящий через весь цикл произведений «арктической робинзонады», – необитаемый остров. Пространство арктического острова, получившее художественное воплощение в сюжете о «мезенских робинзонах», мы рассматриваем как культурный топос, поскольку остров является «общим местом» в мировой культуре и на протяжении всей истории человечества с этим локусом сопрягаются определенные смыслы. Важно отметить, что в русском культурном пространстве топос острова воспринимается в качестве «протосимвола русской цивилизации» [Tamitskiy, 2019, с. 1], входит в семиосферу русской культуры, является источником святости, местом встречи с Богом и постижения человеком трансцендентного опыта.

Методы исследования

Современное социально-гуманитарное знание не ограничивается тем пониманием термина «топос», которое впервые предложил Аристотель для упорядочивания структуры диалога в качестве сугубо технического риторического приема. С развитием в конце XIX – начале XX вв. таких научных направлений как герменевтика, стилистика и компаративистика термин «топос» вышел за пределы такого ограниченного толкования.

Понятие топоса для осмысления литературного материала впервые использовал немецкий филолог Э. Р. Курциус. Анализируя произведения Европейской литературы и Латинского Средневековья, медиевист следовал историческому

подходу и указывал на преемственность основополагающих форм и образов, переходящих от эпохи к эпохе [Курциус, 2021]. В настоящее время исследователи литературы под топосами понимают «регулярно воспроизводимые элементы художественного произведения» [Садикова, 2015, с. 44], неизменные величины культуры, эстетики, языка. Через топос, его воспроизводимость и связь с коллективным бессознательным, становится возможным описание культурного пространства, что сближает его с понятием о концепте или архетипе. Хотя, с точки зрения коммуникативной природы топос обладает гораздо большим потенциалом. Важным функциональным отличием топоса от концепта или архетипа является его обусловленность эпохальным нарративом и национальной картиной мира [Хазягеров, 2008, с. 11–12].

Устойчивый мотив, тема или образ встречаются в различных произведениях искусства. Для создания определенного эстетического и рефлексивного эффекта, реализации особой художественной концепции авторы прибегают к «общим местам», насыщая их при этом частными имманентными свойствами. Топосы, как универсальные элементы человеческого сознания и опыта, воплощаясь в произведениях культуры, обладают жанровым значением, определяют стиль и пространственно-временную обусловленность того или иного явления.

Основное внимание в нашей работе сфокусировано на конкретном пространственном топосе – арктическом острове. В зарубежном научном дискурсе особое место занимает вопрос о возможности развития теории островности – ниссологии (термин был введен в научный оборот в 1994 г. и до сих пор область его применения остается предметом дискуссии [Baldacchino, 2008; Нау, 2006]). «Островные смыслы, расходящиеся или сходящиеся, возникают из глубоко интуитивного жизненного опыта – они порождены феноменологически и артикулированы» [Нау, 2006, с. 34], – пишет австралийский ученый Пит Хэй. При этом, в ряде «островных исследований» отмечается, что острова хоть и являются особым объектом для изучения, они могут не иметь собственной эпистемологической парадигмы [Baldacchino, 2008; Foley, 2023; Nadarajah, 2022]. Однако такая оценка поддерживается далеко не всеми исследователями. Так, например, в работах Ч. В. Дюзера прослеживается история создания и процесс трансформации раннего «островного текста» в западной литературе,

начиная от античных мифов и средневековых ирландских саг до английского романа о Робинзоне Крузо [Van Duzer, 2006], что говорит об особом статусе пространства острова для описания историко-культурных и литературных процессов.

Отечественный и зарубежный опыт в изучении островного топоса в литературе представляет собой обширное исследовательское поле, охватывающее широкий спектр подходов и интерпретаций – мифологических, архетипических, постколониальных и экологических. Одним из ключевых направлений является изучение того, как островные ландшафты используются в литературе для передачи особых пространственных и символических значений.

Всестороннему изучению подвергается символика островного пространства в русской литературе. На значение островных образов обращали свое внимание выдающиеся ученые, заложившие основы отечественного литературоведения в XIX – начале XX вв. – А. Н. Афанасьев [Афанасьев, 1996], А. Н. Веселовский [Веселовский, 2006], В. Б. Шкловский [Шкловский, 1959].

Мифология северных островов фундаментально описана Н. М. Теребихиным в монографии «Метафизика Севера» (2004) [Теребихин, 2004]. Мифологеме острова в русской литературе посвящена монография современных ученых-филологов Л. И. Горницкой и М. Ч. Ларионовой «Место, которого нет... Острова в русской литературе» (2013) [Горницкая, 2013]. На материале произведений XVIII–XX вв. и прозы Г. Газданова авторы убедительно доказывают, что пространственный образ острова, выполняющий различные функции в формировании художественной картины мира, занимает важное место в системе топосов русского литературного мира.

Результаты исследования

Небольшое по объему сочинение Ле Руа, представляющее собой скорее отчет, нежели художественное произведение, послужило своеобразным импульсом для возникновения ряда текстов. На протяжении всего XIX века в России, как и в Европе, появляются различные варианты сюжета о мезенских «робинзонах» – это целая серия русскоязычных текстов в разных периодических изданиях, опубликованных в период с 1822 по 1899 гг., рассказ на английском языке А. Дункана «Sufferings and extraordinary adventures of four Russian sailors, on the Desert Island of

East Spitsbergen, in 1743» (1805) и его перевод на русский под заголовком «Бедствия, претерпенные четырьмя русскими матросами, оставленными в 1743 году на необитаемом острове к востоку от Шпицбергена», осуществленный В. М. Головинным в 1822 году, рассказ на немецком языке Т. Гризингера «Sechs Jahre auf Spitzbergen» (с двумя переводами на русский язык, один из которых сделан анонимным автором и опубликован в журнале «Детское чтение» в 1871 году, а второй – Маргаритой Архангельской в 1887 году с переизданиями в 1891, 1892, 1900 и 1911 гг.). В следующем столетии русские писатели создают более масштабные художественные тексты о приключениях русских промысловиков в Арктике – это роман Зиновия Давыдова «Беруны» (1933), поморская быль Константина Бадигина «Путь на Грумант» (1953) (с продолжением истории спустя десять лет после возвращения промысловиков домой в повести «Чужие паруса» (1959)), повесть Софьи Радзиевской «Остров мужества» (1969). Современные русские авторы продолжают традицию обращения к этой истории. В 2020 году в литературном журнале «Подвиг» выходит повесть «Русские Робинзоны» Олега Щербатова (псевдоним писателя Валерия Гусева), а через год в сборнике «Голоса полуночных земель» публикуется повесть «Полярные Робинзоны» крымского литератора Михаила Старчикова.

В последнее время в интернете множатся переложения сочинения Ле Руа, и не только в русскоязычном киберпространстве. О мезенских промысловиках пишут ученые из Германии и Норвегии – Утэ Маргграфф, Валинг Горттер.

Произведения, отнесенные нами к «арктической» робинзонаде, имеют общую фабулу, центральное событие которой разворачивается на одном и том же острове архипелага Шпицберген. Считается, что этот небольшой остров, расположенный в восточной части архипелага, был открыт в 1614 году голландцем Й. Каролусом. Подойдя к берегам острова с юга, путешественник обозначил на карте это место «Неизвестным берегом». В 1625 году на карте Московской компании впервые появляется название «Остров Эдж». Топоним «Эдж» этот необитаемый до сих пор остров получил в честь Томаса Эджа (1587/1588–1624), английского торговца и китобоя, который служил в этой торговой компании и много раз бывал на Шпицбергене в период с 1611 по 1619 годы [Визе, 1975]. Тем не менее, по утверждениям исследователей [Державин, 2017; Старков, 2015],

на Русском Севере остров был известен задолго до его посещения европейцами. И, как утверждает историк М. И. Белов, поморы называли его по-своему Малым Грунтом (это название зафиксировано в отпускных промысловых книгах, хранящихся в фонде Архангельской губернской канцелярии) [Белов, 1975]. Археологические и письменные данные, рассмотренные В. Л. Державиным и В. Ф. Старковым, позволяют говорить о том, что «выход русских к берегам Ледовитого океана произошел в XIV–XV вв.» [Державин, 2017, с. 78]. В результате раскопок зимовья экспедиции Баренца ученые смогли подтвердить, что, причалив к берегам Новой Земли, голландский мореплаватель обнаружил русское промысловое становище, а пройдя дальше к северному побережью – православные поклонные (обетные) кресты, которые устанавливали русские промысловики для свершения молитвы перед выходом в море. Кроме того, известно о существовании 75 поморских поселений на Шпицбергене [Минаева, 2013]. Таким образом, остров, обозначенный на реальной географической карте мира, становится центром притяжения русской «арктической» робинзонады.

Широко известна мифопоэтическая концепция в толковании топоса острова, сложившаяся в античной и европейской литературной традиции. Это, например, интерпретация топоса острова как мифологемы «потерянного рая» или как места идеального общественного устройства. Так, М. Монтень в «Опытах» рассуждает об некоем острове, где царит благополучие и спокойствие: «на другом конце света есть остров, который отличается здоровым климатом, плодородием, изобилует всякого рода деревьями и плодами и населен племенем, исповедующим христианство, имеющим церкви и алтари, украшенные одним лишь крестом без всяких других изображений...» [Монтень, 1979, с. 284].

В Древней Греции острова считались символом совершенства, поскольку, находясь далеко от материка, не были подвержены возможному негативному влиянию, исходящему от «большой земли». В античном мире люди были убеждены в существовании мифических островов, таких как Делос, Атлантида и Туле. Эти легенды нашли своё отражение в произведениях древнегреческой литературы, например, в «Одиссее» [Mareš, 2017].

В кельтской, преимущественно – в ирландской – средневековой традиции достаточно широко представлена тема плавания к «чудесным

островам». В этом контексте мотив поиска «земли обетованной» связан прежде всего с древним мифом о едином острове, куда после смерти должны отправиться все люди. Здесь отчетливо прослеживается идея о существовании «Иного мира, находящегося где-то далеко за водной преградой, пересечь которую можно только на корабле» [Михайлова, 2024, с. 300]. Своеобразным символическим и семиотическим продолжением темы о существовании в поднебесном мире особого острова стали поиски «острова сокровищ», что впоследствии привело к появлению легенды об Эльдorado. Легенда об Эльдorado на протяжении нескольких столетий привлекала путешественников и являлась источником вдохновения для открытия новых земель и колониальных устремлений. Своеобразным продолжением темы об успешных кладоискателях служит всемирно известный роман, «пример универсального „путешествия к заветной цели“» [Еременко, 2023, с. 39], «Остров сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона.

С другой стороны, острова часто служили местом изгнания отверженных и преступников (весьма характерна в этом смысловом ключе ссылка Сенеки на Корсику или Наполеона на остров Святой Елены). В этом контексте рождается другая трактовка островного топоса в культуре: остров – это персональный «ад» с замкнутым хронотопом, откуда невозможно выбраться самостоятельно, место испытания души и тела. К тому же, очевидно, что в процессе колонизации поселенцы сталкивались с неприятием со стороны аборигенов. Столкновение разных по своей сути культур приводило к кровопролитным сражениям и острова стали восприниматься в негативном смысловом контексте. Подобные представления об островах в дальнейшем получили развитие в романах о Робинзоне Крузо и Гулливере.

Впрочем, обе эти концепции имеют весьма существенные точки соприкосновения, сближающие их на глубоком смысловом уровне. Они предполагают активную работу человека по обустройству этого пространства, его особых цивилизационных усилий в среде, где изначально отсутствовало одухотворяющее начало. При этом, в одном случае (в утопической версии), представляется конечный результат этих системных человеческих усилий, а в другом – начальный их период, момент осознания их необходимости в пустом, богоотчужденном мире.

Европейская литература богата «островными текстами», в которых отчетливо представлена трансформация топоса острова – от места, напоминающего рай, до места заточения и гибели (как физической, так и духовной). Например, персонаж помещается на остров, с которым связаны изначальные благоприятные ожидания, но впоследствии события разворачиваются прямо противоположным образом. Так строится сюжет в романах Дж. Фаулза «Волхв» и У. Голдинга «Повелитель мух». Аналогично этому складываются обстоятельства и в сочинении родоначальника жанра утопии Томаса Мора, когда его остров фактически превращается в тюрьму для своих граждан.

Встреча человека с природным миром, как конфликтная ситуация, разворачивающаяся в условиях отчуждения от общества (на далеком острове – в иноказательном плане в «другом / ином мире») в литературе опирается на древние традиции и насыщена символическим, религиозно-философским, и даже порой политическим смыслом. Отмеченная двойственность топоса острова, его конкретная интерпретация в художественном произведении зависит от авторского замысла и ведущих нарративов эпохи, в которой создается текст.

Русские авторы XIX в., отталкивающиеся от сюжета, предложенного в тексте Ле Руа сохраняют заданный им пространственный ориентир, обращаются к островному топониму. Однако при этом включают в свое повествование детали, чуждые первоисточнику, но чрезвычайно важные в смысловом отношении. Так, в рассказе под названием «На Груманте», опубликованном в журнале «Друг народа» в 1876 году, Прокофий Накрохин, используя исконно русское название архипелага, присвоенное поморами задолго до его открытия Баренцем в 1596 году, явно настаивает на идее первенства своих соотечественников в освоении Арктики. В заглавиях более поздних текстов появляется уже наименование конкретного острова – Малый Берун (стоит добавить, что в написании названия острова допущена ошибка, которая, вероятно, возникла из-за сочинения Ле Руа). В 1933 году Зиновий Давыдов и вовсе называет свой роман «Беруны». Топос острова, таким образом, становится местом сохранения русской истории освоения Арктики.

Значимым в контексте изучения топоса арктического острова представляется замечание Ю. М. Лотмана о том, что «в художественной модели мира „пространство“ подчас метафори-

чески принимает на себя выражение совсем не пространственных отношений в моделирующей структуре мира» [Лотман, 1988, с. 252].

Утопическая трактовка топоса острова характерна для западноевропейской культуры. Робинзон Крузо создает на необитаемом острове «новый мир» в соответствии с нормами и ценностями своего времени, стремится к идеалу, который по тем или иным причинам не был полностью реализован в его родной Англии. Остров Робинзона в итоге становится аллегорией идеального государства, отличающегося веротерпимостью, справедливостью, материальным благом. С другой стороны, в романе подчеркивается амбивалентность содержания топоса острова. Несмотря на отсутствие видимых границ герой именует свой остров тюрьмой и ощущает замкнутость окружающего хронотопа: «...хотя я действительно был на свободе, но остров, несомненно, был для меня тюрьмой, причем в худшем смысле этого слова...» («...for though I was indeed at large in the place, yet the island was certainly a prison to me, and that in the worse sense in the world...») [Defoe, 1996, с. 81]. Герой вынужден бороться за свою жизнь, находясь на острове; ему далеко не сразу удастся адаптироваться к новым, непривычным условиям. Пафос борьбы человека с природой, человеческой выносливости и неустанного труда составляет основное содержание романа.

Академик Ле Руа, очевидно, знакомый с произведением Д. Дефо, использует аналогичное истолкование островного топоса в своем сочинении, описывающем приключения русских промысловиков в Арктике. Пребывание поморов на острове Ле Руа характеризует как безнадежность («...им нет больше надежды оставить сего острова...») [Ле Руа, 1975, с. 25], тюрьма, заточение («...ничто так не подавало сим бедным людям с начала их заточения толикой помощи, как доска, в которую вбит был железный крюк и несколько гвоздей...») [Ле Руа, 1975, с. 27], печаль («...они думали препроводить в печалих остальное время своей жизни...») [Ле Руа, 1975, с. 44]. При описании острова автор часто использует прилагательные «пустая», «пуст», подчеркивающие отсутствие на нем не только человека, но и высшего одухотворяющего начала.

Стоит отметить, что для небольшого сочинения Ле Руа, как и для знаменитого приключенческого романа о Робинзоне Крузо, являющегося по своей сути программным «документом» английской буржуазии эпохи Дефо (с идеями о

свободной колониальной торговле, промышленном перевороте и «естественном» человеке), характерными чертами являются «схематизм построения, бедность психологической характеристики, общая изобразительная бедность...» [Македонов, 1933, с. 231].

Поскольку арктический остров в представлении Ле Руа является экзотическим местом с суровым климатом, не пригодным для жизни цивилизованного человека, но, при этом, привычным для промысловиков, то его интерес в первую очередь сфокусирован на тех навыках выживания, которые демонстрируют его персонажи. Для французского академика русские робинзоны – это «арктические аборигены», обладающие приемами рационального поведения в суровых условиях. В концепции романа Д. Дефо они скорее тяготеют к образу Пятницы, нежели его главного героя. В этом и состоят базовые установки Ле Руа-писателя: он знакомит своего читателя с приемами выживания «арктических робинзонов», которые представляют практический интерес для будущей экспансии европейцев на Север. Совершенно иначе расставлены смысловые акценты у его русских последователей.

В рассказе П. Накрохина «На Груманте» остров, на который высадились четверо промысловиков в надежде найти старую избу для зимовки, изображен как ужасная пустыня: *«Здесь никогда не слышно ни вдоха, ни голоса, ни шага человеческого; страшная пустыня, глубокое и холодное молчание, нарушаемое только хриплым воем белого медведя или ревом бури...»* [Накрохин, 1876]. Тишина, выступающая на первый план в создании пространственного образа острова, в религиозно-смысловом контексте указывает на божественное присутствие, духовную наполненность этого места. Поскольку тишина, как звуковая характеристика, свойственна для сакральных мест.

В таком же смысловом ключе изображен остров в версии сюжета, предложенной А. Зубковским: *«Печальную и глубоко-дикую пустыню представлял собою этот негостеприимный остров!»* [Зубковский, 1862]. Пространство морской стихии в исполнении Зубковского точно так же, как и пространство острова, представленное в тексте Накрохина, отличается безмолвием и тишиной. Промысловый корабль поморов идет среди «беспредельного царства безмолвия и пустоты, в которое и самая быстрая птица уже не залетает и которых житель материка и представить себе не может» [Зубковский, 1862]. Проведя

в плавании несколько дней, промысловики добиваются до определенной границы, за чертой которой открывается мир, существующий в ином измерении, по иным законам, в котором угадываются черты пространства за чертой смерти, параллельного земному. Это сакральное место, обычно недоступное для человека (и даже птицы!), не связанного ни с морем, ни с Севером, открывается русским промысловикам.

В русском литературном контексте слово «пустыня» вовсе не означает отсутствия признаков жизни, особенно в ее духовном смысле. Пустыня – это место за пределами обыденной суеты, место встречи пылливой человеческой души с сакральными силами, с сакральными знаками и смыслами. Библейские истоки такого понимания пространства не вызывают сомнения. Достаточно вспомнить знаменитую лермонтовскую строку: «Пустыня внемлет Богу...». Да и герои русских произведений не ощущают своей заброшенности, отчужденности. С первого дня своего пребывания на острове они активно трудятся. Для них время, проведенное здесь, не становится жестким испытанием в чуждом пространстве, им все понятно в этом мире, и они точно и выверено выстраивают свою повседневную жизнь. Мир суровой природы не пугает их, они являются его частью и органично встроены в пространство Арктики. Русские авторы не столько акцентируют внимание на тяготах испытаний своих героев, как это делают их европейские предшественники (Ле Руа, Дункан, Гринингер), а скорее подчеркивают их готовность ко всем превратностям судьбы, их естественную связь с природным миром Севера. Такая особенность обращения к топосу острова наблюдается в целом ряде журнальных текстов о «мезенских робинзонах», появившихся во второй половине XIX века.

В конце XIX века русская детская писательница и переводчица М. В. Архангельская пересказывает историю о «мезенских робинзонах» в книге «Приключения русских промышленников» (1887), указывая в качестве источника своего текста сочинения Гризи (Теодора Гринингера). Но в процессе «перевода» текста с немецкого языка, Архангельская существенно меняет смысловые акценты в характеристике островного топоса. Арктический остров, представленный немецким автором как холодное Эльдorado, как символ изобилия и материального богатства, в трактовке Архангельской становится местом, где герои прежде всего меняются до неузнаваемости.

В финале рассказа перед читателем предстают подчеркнуто другие люди:

«...только сами-то были уже не те что прежде. Правда, что, несмотря на горе, на холод и различные лишения, какие им приходилось терпеть целые шесть лет, они все были здоровы и жили еще долго, но зато совершенно изменились характером».

Удалой Иван Хилков давно забыл свои песни и шутки. Кормщик и Шарапов, отвыкнув от людей, стали молчаливы, мало с кем сходились и всю свою остальную жизнь не могли забыть, что им пришлось перенести на острове» [Архангельская, 1887]).

Весьма показательна эта нетронутость, сохранность героев в физическом смысле, и кардинальные перемены, затронувшие их духовный облик. Они подобно монахам-отшельникам склонны к одиночеству, погруженности в глубины своего внутреннего бытия. Все это подчеркивает то важное обстоятельство, что испытания носили вовсе не физический, а духовно-нравственный характер. То, с чем пришлось столкнуться героям на острове, приблизило их к постижению каких-то совершенно иных, недоступных смыслов в суетной социальной жизни.

Схожие мотивы толкования топоса острова обнаруживаются в романе З. Давыдова «Беруны», опубликованном уже в XX веке. Здесь герои «арктической» робинзонады, вернувшись в родной город, не могут адаптироваться к жизни в социальном мире и отправляются обратно в Арктику, где находят своё последнее пристанище. А несколько ранее, в столице, не могут смириться с законами современного им социального мира и бегут из него.

Свою интерпретацию топоса острова предлагает Константин Бадигин в повести «Путь на Грумант», впервые опубликованной в 1953 году.

Арктический остров в произведении предстает одновременно страшным и красивым, диким и живописным. Герои любят открывающимся перед ними миром природы и в то же время опасаются его: *«...Поморы осторожно легли у края скалы, сняв шапки... Их глазам открылся один из красивейших видов острова. Внизу расстилалось темное море, покрытое белой пеной плавающей птицы; отвесный мыс был облеплен кайрами и чайками, сплошь закрытыми черные камни...»* [Бадигин, 1953]. Вектор изображения арктического пространства перемещается от страха к восхищению: *«...к западу горели снеговые вершины Большого Беруна... <...> ...на юге рассти-*

лался огромный залив с бесчисленными черными островками, сверкающими голубыми айсбергами... <...> ...в прибрежных низинах осколками стекла поблескивали озёрки...» [Бадигин, 1953]. Мир арктического острова как будто вбирает персонажей повести в себя, обволакивая со всех сторон своими торжественными красотами.

В восприятии топоса острова особую роль играют эпитеты, используемые писателем в пейзажных зарисовках, это «огромный залив», «высокие горы», «острые камни», «крупные валуны», «широкий мыс»; они подчёркивают необъятность и мощь пространства Арктики. Лексика, передающая определенный цвет, позволяет наглядно представить остров: «тёмно-серые скалы», «гранитные утёсы», «серый лишайник», «свинцовое море», «чёрное разводье», «серобелый лёд». Она как будто заимствована из былинного эпоса, в ней слышится высокий стиль ломоносовских торжественных од. Далёкий арктический остров буквально манит героев: *«...посмотреть захотелось на Русь полуночную... <...> и во снах мне Грумант-то чудился...»* [Бадигин, 1953], – сообщает один из мезенцев, Степан Шарапов, о причинах, подтолкнувших его идти на промысел.

В этом контексте становится очевидной связь созданного Бадигиным образа арктического острова с мифопоэтической традицией толкования островного топоса в русской культуре. Остров здесь – это в первую очередь сакральное место, место сохранения памяти и истории Русского Севера; недаром герои снимают шапки перед раскрывающимися природными просторами, чтобы выразить почтение, несмотря на сильный мороз и ветер. В северорусской картине мира остров напоминает иной мир, место обитания хтонических существ. Промысловиков на острове длинными арктическими ночами пугает не столько суровая погода, сколько вой «грумантского пса».

Во вставном эпизоде бадигинской повести, легенде о двух названных братьях Кирике и Олеше, фигурирует Гусиная белая Земля – религиозно-мифологическое воплощение Груманта. Именно туда отправляются мужи-двиняне после свершения ратного подвига: *«Там играют вечные сполохи, туда прилетают легкокрылые гуси беседовать с мертвыми. Там немолчно рокочат победные гусли, похваляя героев...»* [Бадигин, 1953].

В повести Софьи Борисовны Радзиевской уже в само заглавие («Остров мужества»), сильную

позицию текста, вынесен пространственный образ острова. Примечательно, что именно в этом произведении события преподносятся через призму детского восприятия окружающей действительности. Такой ракурс повествования не используется в других текстах о мезенских «робинзонах». «Остров мужества» – это место, где один из главных героев проходит своеобразный путь становления, формирования взрослой личности; Ванюшка по прошествии шести лет жизни на острове взрослеет, осознает свое место в мире, свое профессиональное предназначение.

Островное же пространство в повести создано по принципу сочетания реально-географического описания и мифопоэтической характеристики. С одной стороны, в тексте представлен полный и гармоничный природный ландшафт – в художественный мир вписаны ущелья, пещеры, горы, камни и скалы реально существующего на карте мира острова. В то же время этот остров, пространство которого ограничено, а время внутри него циклично, подчиняется природному календарю («...кормщик только по звёздам примечал, когда кончается день и настает такая же тёмная ночь...» [Радзиевская, 1969]) и его течение практически не ощущается героями («...время, казалось им, двигалось медленнее, чем белый иней по чёрной стене...» [Радзиевская, 1969]), представляет собой такую модель мира, где возможно органичное *со-бытие* человека и природы. Дом, в котором проводят промысловики свободное время и отдыхают после тяжелой работы, выступает в роли синекдохи образа острова, и здесь еще заметнее становится пониженная интенсивность художественного времени: «В темноте избушки было не разобрать, начался ли день...», «Время в избушке словно остановилось...» [Радзиевская, 1969].

Названия современных произведений о выживании русских промысловиков в Арктике отсылают читателей к образу Робинзона Крузо. Повесть Олега Щербатова «Русские Робинзоны» (2020) начинается со вступления о литературном жанре робинзонады и его создателе Даниеле Дефо. Автор сопоставляет условия необитаемого острова в Атлантическом океане, на котором выживал Робинзон, с условиями, в которых оказались мезенцы, и приходит к выводу, что «наши робинзоны жили (не выживали, а жили!) в ледяных краях, в условиях Севера, неизмеримо более тяжких, чем те, что выпадали робинсонам теплых стран...» [Щербатов, 2020, с. 162]. Рассказ Михаила Старчикова «Полярные Робинзоны»

(2021) точно так же отсылает читателя к европейскому претексту. В эпиграф автор выносит цитату из книги Ле Руа: «Несчастливые сии люди прожили почти шесть лет в сем печальном жилище» [Старчиков, 2021]. Тем не менее, являясь все же источником истории о мезенских «робинзонах», сочинение академика и его смысловые доминанты не оказали особого влияния на концептуальные подходы, определившие содержание рассказа крымского автора.

Местность, в которой оказались герои рассказа, хорошо знакома и близка им, здесь они ощущают тесную связь с природой и с благодарностью в итоге принимают ее дары (домой поморы возвращаются с богатой добычей). «Помните мне, имеется там домишко!» [Старчиков, 2021] – говорит кормщик; там, по воспоминаниям Степана Шарапова, находилась рыбацкая изба, в ней – печь, и можно было укрыться от холода: «Слыхал я, что изба та находится недалеко от берега! – обратился к товарищам Степан Шарапов» [Старчиков, 2021].

В интерпретации Михаила Старчикова арктические робинзоны предстают перед читателем уже в момент спасения – впереди у них другая жизнь, позади остались все трудности выживания в Арктике. Рассказывая о своих «мытарствах» на острове, герои как будто обращаются к нарративам древних сказаний об испытаниях души после смерти.

В начале рассказа, когда герои отплывают от берегов арктического острова, появляется смысловая оппозиция «спереди / сзади»: «Гребцы дружно налегали на весла, и баркас быстро летел вперед, постепенно приближаясь к покачивающемуся на волнах кочу „Варфоломей“. В белесой дымке где-то сзади постепенно таял огромный остров, покрытый льдом и снегом...» [Старчиков, 2021]. В этой небольшой пространственной зарисовке прочитывается момент преодоления границы в хронотопе жизни героев – впереди их ждет спасительный корабль, а позади остался ледяной остров – на своем маленьком баркасе они навсегда покидают огромный остров. Образ белесой дымки в этом эпизоде выступает в роли природной границы между миром земной цивилизации и иным миром, из которого промысловики сумели выбраться после тяжелых испытаний. Автор, таким образом, вводит в сюжет мотив возвращения из мира мертвых, прибегая к мифологической трактовке островного топоса.

М. Старчиков по-особому именует героев. В его рассказе мы встречаемся с *отшельниками*, а

не просто с «робинзонами», «островитянами» или «промысловиками». Такая номинация встречается далеко не у каждого автора, обращавшегося к сюжету «арктической» робинзонады. До М. Старчикова отшельниками называет своих героев только писатель Николай Зайцев в своем небольшом рассказе «Русские робинзоны» [Зайцев, 1973], опубликованном в петрозаводском журнале «Север» в 1973 году. Слово отшельник означает «человека, из религиозных соображений поселившегося в уединении и отказавшегося от общения с людьми, миром; пустытника» [Большой толковый словарь, 1998, с. 767]. Судьба героев рассказа не вполне согласуется с такой трактовкой, поскольку на острове, в уединении они оказались не по собственной воле, а в силу непредвиденных обстоятельств. Тем не менее, называя своих персонажей отшельниками, русские писатели подчеркивают их особый статус, особый смысл их пребывания в изоляции от социального мира. Отшельничество в русской литературе связано с духовным совершенствованием человека. Герои-отшельники «арктической» робинзонады внутренне преобразуются после шестилетнего уединения на острове (как и персонажи из ряда упомянутых выше текстов предшественников). При этом возвращаются домой они такими же богатыми, как и Робинзон Крузо, но только их богатство измеряется несколько иначе. Русские робинзоны смогли встроиться в жизнь на острове, где нет ничего, кроме льда, снега и диких животных. Этот остров стал для них вторым домом. Они научились добывать пищу без использования орудий, обрабатывать шкуры и шить одежду. Благодаря своим навыкам они не испытывали недостатка в еде. Им удалось добыть ценные меха, которые стали для них настоящим сокровищем, а за свое спасение герои неустанно благодарят Бога: «Спасибо те, Господи! – размахисто перекрестился заросший чёрной с проседью бородой мужчина средних лет. – Долго мы здесь мытарствовались, и спасения уже на ждали...» [Старчиков, 2021]. Увидев корабль, Алексей благодарит Господа за спасение, ведь по его разумению именно Промысел Божий направил судно к их острову – кормщик такого решения не принимал, команда отправлялась на промысел в другое место.

Примечательно, что современные литераторы особое внимание уделяют религиозной стороне жизни героев. Она протекает на острове с мыслью о Боге: искренне просят его помощи и участия в любом деле. Все действия совершают-

ся ими всегда после молитвы: молитва сопровождает отход ко сну, прием пищи, выход на охоту. Друг к другу относятся особенно задушевно и сердечно, так, как предписано в священном писании: «...верные в любви, в дружбе, в общих делах» [Щербатов, 2020, с. 165]; и к смерти относятся так же – по-христиански – смиренно и без страха: «Дедка в своих думках не только смирился, что лодья много его переживет, эта мысль делала его жизнь полной, а смерть не страшной» [Щербатов, 2020, с. 185].

Пространство моря в картине мира героев повести О. Щербатова сопряжено с большой опасностью. «...Кто в море не хаживал, тот Богу не маливался...» [Щербатов, 2020, с. 196], – любит повторять кормщик. В море человек оказывается лицом к лицу перед смертью, откуда она придет или, милостью божьей стороной обойдет, то неизвестно морякам. Море – сакральное место, которое вызывает благоговейный трепет в душе промысловиков, здесь они соприкасаются с Богом иверяют себя полностью Его воле.

Вводя в сюжет «арктической» робинзонады тему Божьего Промысла, силы христианской веры, М. Старчиков и О. Щербатов стремятся раскрыть жизнь промысловиков как опыт пребывания в «ином» мире. Арктический остров здесь – это не пустынное пространство и не тюремное заточение для попавшего сюда человека, это священное место, отмеченное божественным присутствием; оказаться здесь – удел избранных, благо, а не наказание.

Заключение

На протяжении трех столетий обращение самых разных авторов к сюжету «арктической» робинзонады и ее центральному пространственному образу – необитаемому острову – продиктовано различными мотивами: будь то личный опыт (как в случае с писателем-маринистом К. С. Бадигиным) или в контексте современных событий остро испытываемая потребность в обращении к забытым страницам национальной истории (у З. С. Давыдова). Но при этом неизменными остаются, и даже по мере историко-литературного развития усиливаются, тенденции, связанные с особенностями национального осмысления островного топоса.

Изолированность островного пространства от социального мира порождает определенные смысловые ассоциации, связанные с представлениями о тюремном заключении, одиночестве, безысходности. Такая трактовка топоса острова

характерна в основном для западноевропейской литературы (Робинзон Крузо называет свой остров «островом отчаяния», «ужасным островом»). Герои «русской робинзонады» иначе воспринимают место своего вынужденного пребывания. В произведениях XIX и XX веков они, попав на необитаемый остров с суровым климатом, не просто быстро адаптируются в этом пространстве, но и ощущают именно здесь присутствие сакральных сил, восторженно принимают открывающуюся им красоту и глубину смыслов первозданного мира. Русские робинзоны, в отличие от своих европейских предшественников, не пытаются обуздать природу, перекроить ее по лекалам привычного им мира человеческой цивилизации, встроить в планы своего колониального освоения территорий. Напротив, они сами встраиваются в первозданный природный мир, трепетно относятся к его сакральным истокам.

Концептуальные особенности сюжета о робинзонах в русском культурном пространстве обусловлены теми смысловыми акцентами, которые отвечают господствующей здесь художественной картине мира. Остров, согласно доминирующим национальным художественным представлениям, – это не метафора «потерянного рая», место исполнения наказания, а скорее представленная чудесным образом возможность обратиться к глубоким сакральным смыслам. Не случайно для северорусской традиции характерно островное расположение значимых символов русского православия, его монастырей – Валаамского, Соловецкого, Кийского, Спасо-Каменного.

Библиографический список

1. Архангельская М. В. Приключения русских промышленников: Заимствовано из соч. Гризи[нгера] с нем. // Мультимедийный корпус текстов о мезенских робинзонах: художественный подкорпус. URL: <https://mezrob29.ru/margarita-vasilevna-arhangelskaya/> (дата обращения: 20.10.2024).
2. Афанасьев А. Н. Языческие предания об острове-Буяне // Афанасьев А. Н. Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии / сост., подгот. текста, статья, коммент. Н. Л. Топоркова. Москва : Индрик, 1996. С. 16–32.
3. Бадигин К. С. Путь на Грумант // Мультимедийный корпус текстов о мезенских робинзонах: художественный подкорпус. URL: <https://mezrob29.ru/nazvanie-teksta/> (дата обращения: 20.10.2024).
4. Белов М. И. О повести Петра-Людвика Ле Руа // Ле Руа. Приключения четырех российских матросов, к острову Шпицбергену бурю принесенных / предисл. М. И. Белова; примеч. В. Ю. Визе. Изд. 4-е. Москва : Мысль, 1975. С. 5–19.
5. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвист. исслед. Санкт-Петербург : Норинт, 1998. 1535 с.
6. Визе Ю. В. Примечания // Ле Руа П.-Л. Приключения четырех российских матросов, к острову Шпицбергену бурю принесенных. Изд. 4-е. Москва : Мысль, 1975. С. 48–51.
7. Веселовский А. Н. Народные представления славян. Москва : АСТ, 2006. 667 с.
8. Горницкая Л. И. Место, которого нет... Острова в русской литературе / Л. И. Горницкая, М. Ч. Ларионова. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 226 с.
9. Державин В. Л. Проблемы освоения морского побережья и островов Европейской Арктики в XVI–XVIII вв. / В. Л. Державин, В. Ф. Старков // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 78–82.
10. Еременко Е. Д. Картографический сеттинг в литературе и кинематографе // Вестник СПбГИК. 2023. №4 (57). С. 39–44.
11. Зайцев Н. Русские робинзоны // Север: литературно-художественный журнал. 1973. № 10. С. 100–102.
12. Зубковский А. Бедствия четырех русских китов // Мультимедийный корпус текстов о мезенских робинзонах: художественный подкорпус. URL: <https://mezrob29.ru/zubkovskij-a/> (дата обращения: 20.10.2024).
13. Курциус Э. Р. Европейская литература и латинское Средневековье: В 2 т. / пер., коммент. Д. С. Колчигина; под ред. Ф.Б. Успенского. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2021.
14. Ле Руа П.-Л. Приключения четырех российских матросов к острову Шпицбергену бурю принесенных / предисл. М. И. Белова; примеч. В. Ю. Визе. Изд. 4-е. Москва, 1975. 56 с.
15. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Москва, 1988. 352 с.
16. Македонов А. «Робинзон Крузо» (к вопросу о положительном герое буржуазной литературы) // Красная новь. 1933. Кн. 7. С. 229–232.
17. Минаева Т. С. Поморские промыслы на Шпицбергене в конце XVIII – первой половине XIX века // Экономическая история. 2013. № 1 (20). С. 6–13.
18. Михайлова Т. А. «Острова за морем...» – тема плавления в поисках иного мира в древнеирландской мифопоэтической традиции // Fil tir n-all... О плаваниях к иным мирам в средневековой Ирландии: исследования и тексты / отв. ред.-сост. Т. А. Михайлова. Москва : Издательская группа «Альма Матер», 2024. С. 298–333.
19. Монтень М. Опыты: В 3-х кн. / изд. подгот. А. С. Бобович и др. 2-е изд. Москва : Наука, 1979.
20. Накрохин П. На Груманте // Мультимедийный корпус текстов о мезенских робинзонах: художественный подкорпус. URL:

<https://mezrob29.ru/nakrohin-p/> (дата обращения: 20.10.2024).

21. Радзиевская С. Б. Остров мужества // Мульти-медийный корпус текстов о мезенских робинзонах: художественный подкорпус. URL: <https://mezrob29.ru/sofya-borisovna-radzievskaya/> (дата обращения: 20.10.2024).

22. Садикова В. А. К вопросу о языковой топологии // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2015. № 4. С. 44–49.

23. Старков В. Ф. Удаленные промыслы русских поморов в XV–XVIII вв. // Краткие сообщения Института археологии. 2015. № 241. С. 328–333.

24. Старчиков М. Полярные Робинзоны // Мульти-медийный корпус текстов о мезенских робинзонах: художественный подкорпус. URL: <https://mezrob29.ru/mihail-yurevich-starchikov/> (дата обращения: 20.10.2024).

25. Теребихин Н. М. Метафизика Севера. Архангельск : ПГУ, 2004. 275 с.

26. Хазагеров Г. Г. Топос vs. Концепт: к изучению топосферы культуры // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2008. № 3. С. 6–26.

27. Шкловский В. Б. Об островах отдаленных, летающих, необитаемых и о значении топа, а также о Санча Панса – губернаторе сухопутного острова // Шкловский В. Б. Художественная проза: Размышления и разборы. Москва : Советский писатель, 1959. С. 238–248.

28. Щербатов О. Русские Робинзоны // Подвиг: литературно-художественный журнал. 2020. № 3. С. 160–277.

29. Baldacchino G. Studying islands: On whose terms?: Some epistemological and methodological challenges to the pursuit of island studies // Island Studies Journal. 2008. Vol. 3. P. 37–56.

30. Defoe D. Robinson Crusoe. London : David Campbell, 1992. 312 p.

31. Foley A. et al. Understanding «islandness» // Annals of the American Association of Geographers. 2023. T. 113. № 8. P. 1800–1817.

32. Hay P. A Phenomenology of Islands // Island Studies Journal. 2006. Vol. 1. № 1. P. 19–42.

33. Mareš M. The Island Topos: From Paradise to Prison // American & British Studies Annual. 2017. T. 10. С. 149–156.

34. Nadarajah Y. Critical reflexivity and decolonial methodology in island studies: Interrogating the scholar within // Island Studies Journal. 2022. T. 17. № 1. С. 3–25.

35. Tamitskiy A. M. Island as a memorial site in the sacral landscape of the Arctic regions of the Russian North / A. M. Tamitskiy, N. M. Terebikhin // IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 2019. T. 302. С. 012034. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/302/1/012034/meta#references> (дата обращения: 20.10.2024).

36. Van Duzer C. From Odysseus to Robinson Crusoe: a survey of early western island literature // Island Studies Journal. 2006. T. 1. № 1. С. 143–162.

Reference list

1. Arhangel'skaja M. V. Prikljuchenija russkih promyshlennikov = The adventures of Russian industrialists : Zaimstvovano iz soch. Grizi[n]gera] s nem. // Mul'timedijnyj korpus tekstov o mezenskih robinzonah: hudozhestvennyj podkorpuS. URL: <https://mezrob29.ru/margarita-vasilevna-arhangelskaya/> (data obrashhenija: 20.10.2024).

2. Afanas'ev A. N. Jazycheskie predanija ob ostrove-Bujane = Pagan legends of the Buyan Island // Afanas'ev A. N. Proishozhdenie mifa. Stat'i po fol'kloru, jetnografii i mifologii / sost., podgot. teksta, stat'ja, komment. N. L. Toporkova. Moskva : Indrik, 1996. S. 16–32.

3. Badigin K. S. Put' na Grumant = The road to Grumant // Mul'timedijnyj korpus tekstov o mezenskih robinzonah: hudozhestvennyj podkorpuS. URL: <https://mezrob29.ru/nazvanie-teksta/> (data obrashhenija: 20.10.2024).

4. Belov M. I. O povesti Petra-Ljudovika Le Rua = On the story by Peter-Ludovic Le Roy // Le Rua. Prikljuchenija chetyreh rossijskih matrosov, k ostrovu Shpicbergenu bureju prinesennyh / predisl. M. I. Belova; primech. V. Ju. Vize. Izd. 4-e. Moskva : Mysl', 1975. S. 5–19.

5. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language / sost. i gl. red. S. A. Kuznecov; RAN, In-t lingvist. issled. Sankt-Peterburg : Norint, 1998. 1535 s.

6. Vize Ju. V. Primechanija = Notes // Le Rua P.-L. Prikljuchenija chetyreh rossijskih matrosov, k ostrovu Shpicbergenu bureju prinesennyh. Izd. 4-e. Moskva : Mysl', 1975. S. 48–51.

7. Veselovskij A. N. Narodnye predstavlenija slavjan = Folk beliefs of the SlavS. Moskva : AST, 2006. 667 s.

8. Gornickaja L. I. Mesto, ktorogo net... Ostrova v russkoj literature = A place that does not exist... Islands in Russian literature / L. I. Gornickaja, M. Ch. Larionova. Rostov-na-Donu : Izd-vo JuNC RAN, 2013. 226 s.

9. Derzhavin V. L. Problemy osvoenija morskogo poberezh'ja i ostrovov Evropejskoj Arktiki v XVI–XVIII vv. = Problems of developing the sea coast and islands of the European Arctic in the XVI–XVIII centuries / V. L. Derzhavin, V. F. Starkov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. 2017. № 49. S. 78–82.

10. Eremenko E. D. Kartograficheskij setting v literature i kinematografe = Cartographic setting in literature and cinema // Vestnik SPbGIG. 2023. №4 (57). S. 39–44.

11. Zajcev N. Russkie robinzony = Russian Robinsons // Sever: literaturno-hudozhestvennyj zhurnal. 1973. № 10. S. 100–102.

12. Zubkovskij A. Bedstvija chetyreh russkih kitolov = The calamities of four Russian whalers // Mul'timedijnyj korpus tekstov o mezenskih robinzonah:

hudozhestvennyj podkorpuS. URL: <https://mezrob29.ru/zubkovskij-a/> (data obrashhenija: 20.10.2024).

13. Kurcius Je. R. Evropejskaja literatura i latinskoe Srednevekov'e = European literature and the Latin Middle Ages : V 2 t. / per., komment. D.S. Kolchigina; pod red. F.B. Uspenskogo. Moskva : Izdatel'skij Dom JaSK, 2021.

14. Le Rua P.-L. Prikljuchenija chetyreh rossijskich matrosov k ostrovu Shpicbergenu bureju prinesennyh = Adventures of four Russian sailors brought to the island of Spitsbergen by a storm / predisl. M. I. Belova; primech. V. Ju. Vize. Izd. 4-e. Moskva, 1975. 56 s.

15. Lotman Ju. M. Hudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolja = Artistic space in Gogol's prose // Lotman Ju. M. V shkole pojeticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol'. Moskva, 1988. 352 s.

16. Makedonov A. «Robinzon Kruzo» (k voprosu o polozhitel'nom geroe burzhuznoj literatury) = «Robinson Crusoe» (to the question of a positive character in bourgeois literature) // Krasnaja nov'. 1933. Kn. 7. S. 229–232.

17. Minaeva T. S. Pomorskie promysly na Shpicbergene v konce XVIII – pervoj polovine XIX veka = Pomor trades on Spitsbergen at the end of the XVIII – early XIX centuries // Jekonomicheskaja istorija. 2013. № 1 (20). S. 6–13.

18. Mihajlova T. A. «Ostrova za morem...» – tema plavanija v poiskah inogo mira v drevneirlandskoj mifopojeticheskoi tradicii = «Islands beyond the sea...» – The theme of a sailing in search of another world in the Old Irish mythopoetic tradition // Fil'ologičeskij žurnal. 2024. № 1. S. 298–333.

19. Monten' M. Opyty = Essays : V 3-h kn. / izd. podgot. A. S. Bobovich i dr. 2-e izd. Moskva : Nauka, 1979.

20. Nakrohin P. Na Grumante = On Grumant // Mul'timedijnyj korpus tekstov o mezenskih robinzonah: hudozhestvennyj podkorpus. URL: <https://mezrob29.ru/nakrohin-p/> (data obrashhenija: 20.10.2024).

21. Radzievskaja S. B. Ostrov muzhestva = The island of courage // Mul'timedijnyj korpus tekstov o mezenskih robinzonah: hudozhestvennyj podkorpus. URL: <https://mezrob29.ru/sofya-borisovna-radzievskaja/> (data obrashhenija: 20.10.2024).

22. Sadikova V. A. K voprosu o jazykovej topologii = Toward the issue of linguistic topology // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filologija». 2015. № 4. S. 44–49.

23. Starkov V. F. Udalennye promysly russkich pomorov v XV–XVIII vv. = Russian pomors' distant trades in

the XV–XVIII centuries // Kratkie soobshhenija Instituta arheologii. 2015. № 241. S. 328–333.

24. Starchikov M. Poljarnye Robinzony = Polar Robinsons // Mul'timedijnyj korpus tekstov o mezenskih robinzonah: hudozhestvennyj podkorpus. URL: <https://mezrob29.ru/mihail-yurevich-starchikov/> (data obrashhenija: 20.10.2024).

25. Terebihin N. M. Metafizika Severa = Metaphysics of the North. Arhangel'sk : PGU, 2004. 275 s.

26. Hazagerov G. G. Topos vs. Koncept: k izucheniju toposfery kul'tury = Topos vs. Concept: Toward studying the toposphere of culture // Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologičeskie nauki. 2008. № 3. S. 6–26.

27. Shklovskij V. B. Ob ostrovah ot dalennyh, letajushih, neobitaemyh i o znachenii topa, a takzhe o Sancha Pansa – gubernatore suhoputnogo ostrova = On islands remote, flying, uninhabited, and on the meaning of the top, as well as on Sancha Panza, the governor of a land island // Shklovskij V. B. Hudozhestvennaja proza: Razmyshlenija i razbory. Moskva : Sovetskij pisatel', 1959. S. 238–248.

28. Shherbatov O. Russkie Robinzony = Russian Robinsons // Podvig: literaturno-hudozhestvennyj zhurnal. 2020. № 3. S. 160–277.

29. Baldacchino G. Studying islands: On whose terms?: Some epistemological and methodological challenges to the pursuit of island studies // Island Studies Journal. 2008. Vol. 3. R. 37–56.

30. Defoe D. Robinson Crusoe. London : David Campbell, 1992. 312 p.

31. Foley A. et al. Understanding «islandness» // Annals of the American Association of Geographers. 2023. T. 113. № 8. R. 1800–1817.

32. Hay P. A Phenomenology of Islands // Island Studies Journal. 2006. Vol. 1. № 1. R. 19–42.

33. Mareš M. The Island Topos: From Paradise to Prison // American & British Studies Annual. 2017. T. 10. S. 149–156.

34. Nadarajah Y. Critical reflexivity and decolonial methodology in island studies: Interrogating the scholar within // Island Studies Journal. 2022. T. 17. № 1. S. 3–25.

35. Tamitskiy A. M. Island as a memorial site in the sacral landscape of the Arctic regions of the Russian North / A. M. Tamitskiy, N. M. Terebihin // IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 2019. T. 302. S. 012034. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/302/1/012034/meta#references> (data obrashhenija: 20.10.2024).

36. Van Duzer C. From Odysseus to Robinson Crusoe: a survey of early western island literature // Island Studies Journal. 2006. T. 1. № 1. S. 143–162.

Статья поступила в редакцию 22.03.2025; одобрена после рецензирования 13.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 22.03.2025; approved after reviewing 13.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025